

**Елена
ДАНЧЕНКО
(Щербак)**

г. Зейст Нидерланды

СТУДЕНТЫ СТРАНЫ СОВЕТОВ В ИНТЕРЬЕРЕ ИСТОРИИ

Вместо предисловия:

Смутное ковидное время собрало нас, бывших студентов факультета журналистики Кишинёвского университета, вместе, хоть и виртуально – на фэйсбуке. Не могу сказать, что мы написали новый «Декамерон», но у нас получилось собрание веселых студенческих баек, которыми мы обменивались на наших страницах, – рассказов-воспоминаний о жизни студентов конца семидесятых – начала восьмидесятых годов прошлого века. Мы настолько правдивы, что даже в скобках написали фамилии бывших студенток. Итак, вот они – мы, авторы баек: Елена Тхорова (Савкова), Елена Данченко (Щербак), Елена Замура, Сергей Ткач

Собрала истории Елена Данченко

Елена ТХОРОВА (Савкова) Делу время, потехе час, или Засланный казачок

Во времена нашей молодости невероятно трудно было купить что-то оригинальное, эксклюзивное из одежды. Чрезмерно полным, маленьким или высоким, людям с нестандартной фигурой приходилось либо шить самим, либо заказывать одежду в ателье или у портних на дому. Стоило это немалых денег. Поэтому любители путешествий, разъезжая по курортам или туристическим местам, отыскивали модные магазины, где можно было отовариться в эконом-режиме, без общепринятых в родном городе переплат за дефицит. Купить модные брючки- «бананы» за 25 рублей при стипендии в сорок рублей или средней зарплате советского человека в сто-сто двадцать рублей в восьмидесятые годы прошлого столетия мог позволить себе далеко не каждый.

За участие и победу в научной олимпиаде мне

вручили бесплатную комсомольскую путевку сразу по двенадцати городам Союза начиная с Запорожья с обязательным осмотром ДнепроГЭСа. Далее поезд мчался напрямик на побережье Черного моря: Алупка, Алушта, Гурзуф, Симферополь, Севастополь, Ялта, Анапа. Мы, активисты-комсомольцы, дополнительно проехали и по более продвинутому по части коммерции и обилию в те годы торговых кооперативов городам – Тбилиси, Батуми, Сухуми. Невероятно, но все эти города наша группа объездила по туристической системе «Спутник» всего за две недели, и везде нас отлично кормили-поили, и не абы где, а в ресторанах!

Помнится, самым прогрессивным по наличию модных магазинчиков оказался город Батуми с его джинсовыми кооперативами. Там наши девушки сумками закупили не только джинсы и куртки, но и плащи, сарафаны-сафари и босоножки с джинсовым верхом на танкетках.

Мы брали товар коллективно и оптом: себе, родне, подругам и на продажу, чтоб окупить потраченные деньги. Оптом было дешевле. Главным писком джинсовых «шузов» был вшитый сверху в шов маленький американский флажок, что само по себе вызывало у знатоков моды огромное восхищение, но отнюдь не поощрялось комсомолом. А в Сухуми, еще одной изобилующей кооперативами столице, наши туристы нашли бутики, где торговали разноцветными хлопковыми майками с разнообразными принтами и надписями на «инглише», что считалось невероятной удачей.

К уже купленным джинсам и куртке я с радостью прикупила себе босоножки с флажком и футболку. По размеру мне подошла лишь простенькая беленькая футболка с яркой надписью «Take you time», что можно примерно перевести как: «Делу время, потехе час».

Вот в этом, по тем временам офигенно блистательном джинсовом комплекте-шикардосе: в джинсовых брюках, куртке и «американческих» босоножках и майке, я со второй группой активистов-студентов, которым предварительно давались в комитете комсомола рекомендации с характеристиками, отправилась следующим летом в Германию по утвержденному списку комсомольцев-туристов. Поправлюсь – в ГДР. В ФРГ в советские годы ездили только партийные, а я была всего лишь комсомолкой.

Не стану рассказывать про утомительные предварительные инструктажи и о том, как с нами проводили собеседования парработники (они касались преимущественно нашего морального облика: как мы обязаны себя вести, что говорить «у наших друзей», как поступать в критических ситуациях и т.п.). Это особая, очень интересная, но отдельная тема. Но вот по поводу нашего внешнего вида инструктаж с нами почему-то не проводился, вероятно, подразумевалось само собой, что советские комсомольцы в одежде и обуви от «дядюшки Сэма», разукрашенной американскими флагами и «ненашими» речевыми оборотами, быть не должны. И это сыграло в той немецкой поездке со мною, заядлой «альфа-туристкой», весьма злую шутку.

Комсомольско-молодежные поездки за рубеж только условно назывались «молодежными», на самом деле за рубеж разрешали выезжать исключительно членам ВЛКСМ – Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодежи. То есть поездки были просто комсомольскими.

Мою первую в жизни зарубежную поездку в ГДР курировал некий министерский чиновник по имени Палпалыч, лет сорока пяти. С ним в качестве туристок были две партийные дамы-учительши.

В группе теоретически знали, что среди туристов по негласному советскому уставу должен находиться «засланный казачок», который после окончания турне, как «ответственный за безопасность» и отвечающий за морально-нравственную сторону группы, подпишет вместе с Палпалычем характеристики всем нам. Такой своеобразный отчет о пребывании за рубежом. Поэтому с первого дня поездки наши комсомольцы заведомо старались не хулиганить и втайне все время просчитывали, кто же среди нас этот «казачок».

...Пока мы ехали в поезде, все было спокойно. Мы тихо играли в карты, пели под гитару песни, на остановках парни пили, скрывшись за угол, пиво с беляшами, но как только наш караван стал приближаться к Берлину, мы приоделись в модные одежды. Тут-то все и началось! Сначала из нашего купе вызвали девчонку в сарафане с откровенным декольте, она вернулась и чуть не плача стала недо-

вольно переодеваться, потом дернули парня-гитариста с «неправильным» значком на груди, с символикой популярного на Западе рок-фестиваля. После того как я на подъезде к Берлину, переобувши шлепки, вышла в туалет в своих джинсовых босоножках на танкетке с маленьким флагом USA, в наше купе постучались: «Елена, зайдите к руководителю поездки», – сказала одна из учительских дам.

Я, ничего не подозревая, вышла навстречу судьбе советского туриста...

Палпалыч с виду смешной и нелепый, похожий на полубудутый ветром одуванчик, грозно насупил брови и без всяких прелюдий сказал в форме императива:

– Елена, немедленно снять эти ваши американские босоножки, немедленно!

Меня охватила оторопь. А мне никак нельзя оторопевать, меня от этого частенько клинит.

– Чего?! – так же громко спросила я, – а ничего, что у меня нет с собой второй пары обуви?

Он замешкался. Но рядом стояла его заместительша, которая тут же нашла что сказать.

– А вы выпорите бритвой этот флажок, – ехидно улыбаясь, предложила мне она.

– А вы сами себя выпорите! – я попыталась выйти из купе начальников. Но меня удержали, мол, нет, это ещё не все.

– Что еще? – спросила я.

– А что на вашей футболке? – спросил «одуванчик».

– А что с ней не так? – недоумевала я.

– Надпись, – ответил он.

– А что с надписью? – изобразила удивление я.

– Пло-о-хо, – мешкал он, часто поглядывая на учительшу английского, и тут я, «немка» по изучаемому в вузе языку, вдруг интуитивно поняла, что «одуван» английским ни фига не владеет.

– А что не так? Прочитайте! – Я «включила косилку» и, знаете, не проиграла! Не поняв просчитанного мною шахматного хода, министерский клерк начал медленно считывать с моей груди надпись по слогам: «Та-ке...ю...ти-ме...»

– Чего? – не унималась я. – Тэйк ё тайм, а не «таке ю тиме»...

– Бери, хватай, используй время молодое! – не выдержала дуэли и резко встрепенулась дамочка-англичанка, стоящая с ним. – Вот, вот!! Это настоящий перевод глагола «тэйк» на твоей футболке!

– А вы мне не тычьте, мадам, я с вами казино за границей не посещала, – съязвила я. – «Делу время, потехе час!», вот каков перевод этой фразы! – крикнула я и, красная как свекла, стремглав выскочила из их купе. Менять облик я категорически не стала и молча и угрюмо доехала до самого Берлина. «Дерзкая девчонка, я с нее глаз не спущу», – услышала я на

ужине негромкое шипение заместительши, когда мы в первый день расселись наконец за немецкими гостиничными столиками.

А дальше нас ждали поездки по родине Гете, Гейне, Шиллера, Бухенвальдский лагерь смерти, знаменитый горнолыжный курорт Оберхофф, встречи с лесорубами Тюрингии... Однако ближе к окончанию нашей поездки мое окружение, верные ленинцы-комсомольцы, из-за моей ершистости и открытой дерзости, а также демонстративного неподчинения Палпалычу определили, что, конечно же, именно я ехала в группе наших туристов отдыхать в статусе «засланного казачка» из КГБ...

Елена ТХОРОВА (Савкова) Встреча с лесорубами Тюрингии

В советские годы обучение гуманитарным профессиям было одним из лучших в мире. Не знаю, как сейчас обстоят дела в Кишиневском госуниверситете, но в наши семидесятые-восемидесятые годы там была сильная кафедра германистики. Зубрили мы немецкий по-серьёзному. Одна наша очень пожилая преподавательница буквально «не слезала» с нас и на зачётах не ставила пятерок до тех пор, пока студент не выучит наизусть стихи Гейне или Гёте на языке оригинала.

Один из таких белых стихов мы – четверо «немцев» из всей группы (остальные изучали английский): Алексей Марчков, Валентина Тесленко, Вячеслав Южаков и я – до сих пор, уверена на все сто, наизусть помним. Это был один из самых сложных в поэтическом и историческом смысле белый стих Гейне. Его надо было выучить, по мнению преподавателя, в буквальном смысле, на всю жизнь. Так оно и вышло. Это стихотворение Гейне – «Гимн» – было опубликовано лишь после смерти поэта его дальним родственником Карлом Марксом. Привожу часть белого стиха на языке оригинала:

*Ich bin das Schwert, ich bin die Flamme.
Ich habe euch erleuchtet in der Dunkelheit,
und als die Schlacht begann,
focht ich voran, in der ersten Reihe.
Rund um mich her liegen die Leichen meiner Freunde,
aber wir haben gesiegt. Aber wir haben gesiegt! (...)*

Смысл строк невероятно патриотический: «Я меч, я пламя. Я освещал вас в темноте, и когда началась битва, я сражался впереди, в первом ряду. Вокруг меня лежат тела моих друзей, но мы победили. Мы победили! Хоть вокруг меня лежат тела моих друзей».

...Вот такая, мягко говоря, тревожная и несколько параноидальная мутотень, прошу прощения у великого немца.

И вот я в ГДР, той самой советской Германии. Где мы только в той поездке не побывали, в том числе в местах проживания исторических личностей и поэтов! Совершенно неожиданно в Тюрингии местные лесорубы приглашают нас, целую группу молодых, пышущих жизнью и здоровьем специалистов и студентов, на званый обед. Это мы уже после узнали, что у них, лесорубов, всегда плохо было с наличием невест и они, используя все средства, стремились найти себе пару даже таким экзотическим способом, подыскивая кандидаток в жены из числа приезжающих к ним туристок соцлагеря, и, вопреки расхожему мнению (СССР ведь стал победителем во Второй мировой войне), не брезговали и русскоязычными «победительницами», заведомо зная, что «плохие девушки» из СССР к ним не ездят.

Представьте себе прекрасное теплое лето. Красивое южнонемецкое кафе, в котором лесорубы дают концерт: поют, пляшут в стиле «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин...» в национальных коротких штанишках и шляпах с перьями, стараются! А после приглашают нас, уже успевших проголодаться юных девчат и парней, за открытый «шведский стол» с немецкими мясными деликатесами, вином и пивом.

Помнится, в тот день меня впервые потряс вкус удивительного блюда – свежеприготовленный фарш из молочного телянка, приправленный всяческими пряностями и травами, вкус невероятный, несмотря на моральную сторону приготовления блюда. Телянок был забит специально для нас, за четыре часа до встречи, и все наши ели мясо, но отнюдь не сырое. Я одна рискнула испробовать незнакомое блюдо. Было мне как-то неудобно перед лесорубами, что все шарахаются от этого, судя по всему, требующего серьёзного подхода к приготовлению фарша,

И тут, прямо за обедом, к нам подходит руководитель группы, тот самый «полуобдурный одуванчик» Палпалыч и заговорщически шепчет: «Какой концерт лесорубы нам забабахали! А мы? Мы, что же, не можем им встречно – что-нибудь спеть или стих прочесть?» Все молчат. Палыч становится еще напористой: ну, мол, кто из вас немецким владеет? Все молчат.

– Вот у вас, Елена, в анкете указан немецкий.

– И чо? – интеллигентно поинтересовалась я.

Палыч не унимается, вперился в меня взглядом:

– Неужели ни одного стихотворения не знаете? Вы же, по рекомендациям – активистка и отличница?

– Я без запинки знаю на немецком только стихотворение Гейне, его Лермонтов еще перевел вольным переводом: «На севере диком стоит одиноко...» А второй – очень трудный, в идеологическом смысле, белый стих, тяжелый по восприятию, вряд ли немцы его правильно от нас, представителей на-

рода-победителя, поймут, – пытаюсь я отнекаться.

– Нет, Лермонтова, пожалуй, не надо, а как второе произведение называется? – спрашивает Палпалыч.

– «Гимн» Генриха Гейне, – отвечаю.

Перерыв заканчивается, и, не долго думая, Палпалыч подзывает переводчика, и они вдвоем идут к микрофону.

– Прошу внимания! – громко хлопает в ладоши руководитель и сигналит переводчику, мол, переводи. – А сейчас член нашей молодёжной туристической группы, Елена из Кишинева, прочитает вам в знак признательности за ваш теплый приём «Гимн» Генриха Гейне. Прошу вас, Елена...

Легкие аплодисменты...

Я встаю, на ватных ногах иду к микрофону. Сглатываю воздух пересохшим горлом и негромко произношу: «Гутенабэнд, фройнден. «Хюмнус». Хайнрих Хайнэ...

Здрасьте, мол, друзья – для вас белый стих. И начинаю читать. Гул постепенно стихал. В зале становится всё тише и тише. Потом стука вилок вообще не стало слышно, зал будто обмер. От бокала красного бургундского и этих патриотических, до боли знакомых строк, которые я честно на пятерку отвоёвала потом и кровью на экзамене по немецкому, в висках у меня громко стучало, а по спине бегали мурашки. И когда я дошла до кульминации, до призыва «Мы победили!», рука моя автоматически, в стиле дуче, вскинулась вперед и вверх, и уже в рефрене, в самом повторе строк, я так лихо, артистично, будто не перед лесорубами, а как на экзамене во ВГИКе, гаркнула во всю мощь: «Aber wir haben gesi-i-iegт!»

В тот момент я почувствовала сильный прилив крови к ушам и странное ощущение власти над массами, ну почти как Адольф Шикльгрубер, в тридцатые годы выступающий перед своей страной. Кстати, текст этот тогда, в начале восьмидесятых годов, звучал весьма двусмысленно: «мы» – это кто – русские? или мы – это немцы?

Лесорубов сначала охватила коллективная оторопь... А потом! Сказать, что зал аплодировал – нет, это слишком слабо, прозвучали бурные овации. Это я, как бывшая абитуриентка ЛГИТМиКа, могу сказать вам без тени стеснения... А самый старший из ансамбля лесорубов, подойдя к переводчику, попросил для нас перевести его личную благодарность, мол, «более шестидесяти лет живу на свете, но впервые слышу как сам этот белый стих «революционера Гейне», так и то, что немецкую оду так одухотворенно читала русская фройля, это гм-м-м... для нас, лесорубов, мол, чересчур хорошо!»

– Данке, данке щён, – он мял в своих руках мою вспотевшую ладошку.

После, когда я с группой девчат вышла к ёлкам по-

курить за компанию, старший лесоруб привёл к нам за руку 33-летнего «ботаника» в очках и шляпе с пером, представил его своим сыном.

«Это мой сын. Его зовут Отто. Не желает ли фройля Елена познакомиться с моим наследником, который сейчас на выданье и имеет здесь, в Тюрингии, большое хозяйство с фермой перепелов, тетеревов и глухарей, а также огромный полупустующий дом?» – дословно звучало деловое предложение старшего «Августина». Я была обескуражена, расшаркалась перед гостеприимным и столь доверчивым немецким лесорубом-музыкантом, но пробурчала что-то в стиле «партия нам этого никогда не простит».

Долго ещё лесорубы плясали с нами в едином русско-немецком хороводе, но было ясно одно: несмотря на славный приём и непосредственность жителей Тюрингии, ни одна из наших девушек так и не позарилась ни на молодых лесорубов, ни на их большие хозяйства с перепелами. Не так мы в те советские годы были воспитаны... КПСС нам была и отцом, и матерью, и лесорубом одновременно.

Елена ДАНЧЕНКО (Щербак) Ахматова и история КПСС

Внашу студенческую молодость во всех вузах был такой обязательный предмет: история КПСС.

Я его ненавидела, но учила, чтобы сдать сессию без троек. Сей предмет у нас преподавал довольно пожилой и скучный профессор Савочкин. Он был убежденным марксистом, коммунистом и к таким, как я, немного рассеянным и отрешенным девушкам, относился с подозрением. Вероятно, однажды он решил проверить свои подозрения, а может быть, до него дошли слухи о том, что я пишу стихи.

На одном из его семинаров мы должны были разбирать постановление ЦК партии от 1946 года «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Известно, что после этого постановления Зощенко и Ахматову исключили из Союза писателей, прекратили печатать, оставив без средств к существованию. Постановление было скандальным и вызвало бурю откликов и эмоций у разных слоев советского общества.

Рассказывать о злосчастном постановлении садист Савочкин вызвал именно меня. Я встала, набрала побольше воздуха в легкие и громко сказала на всю аудиторию:

– Я категорически не согласна с постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б), потому что Зощенко хороший писатель, а Ахматова Анна Андреевна – великий русский поэт.

Я выдала это, даже не заикаясь, а у меня тогда были нешуточные проблемы с речью. На семинарах и

особенно на экзаменах я часто не могла начать первую фразу, отчаянно глотая воздух.

На свою беду, я поглядела в лицо преподавателя. Обычный серый цвет его физиономии сменился на красный, потом на бордовый, а нос полиловел. Я так удивилась этим художественным метаморфозам, что не успела набрать воздуха для следующей фразы...

– Вон! – заорал Савочкин.

– Куда? – спросила я.

– Вон из аудитории! Вам не место в рядах советских журналистов!

Я пожала плечами и вышла.

Я никогда не подслушиваю у дверей. Но когда за мной закрылась дверь, я остановилась возле нее с другой стороны, чтобы послушать, каким будет продолжение моего столь короткого выступления. В аудитории в тот день я сидела рядом с Геной Даний. Каково же было мое изумление, когда я услышала истерические крики в адрес ни в чем не повинного Генки:

– Вы с ней не сидите рядом! Она вам наговорит! Ей не место в рядах... – далее Савочкин вопил штампованным текстом из далеко не лирического наследия всецело преданных партии коммунистов. Мне стало неинтересно.

Ну как я, поэт, пусть и неизвестный миру, могла не защитить Ахматову, которую обожала?!

Если бы я могла защитить Генку, я бы и его защитила.

Слух обо мне прошел по всему факультету журналистики, а потом прокатился по смежному филфаку, и я, сама того не ведая, стала легендарной личностью.

На депортации меня из аудитории репрессии со стороны компартии не закончились. Савочкин мстил до последнего. А последним его рубежом был как раз экзамен по истории КПСС в том семестре, кажется, последний в университетской программе. Я упорно готовилась к прыжку через экзаменационный барьер. Грызла серый кирпич – партийный учебник Пономарева для студентов вузов днями и ночами, разделив вехи истории совсем мне не близкой партии на дни, отпущенные на подготовку, и не засыпала, пока не вызубривала даты и темы съездов.

Савочкин поставил мне три балла и тем самым лишил меня стипендии. Понятно, что я знала гораздо лучше, чем на «три», но он не мог поступить иначе, не предполагая, что уже через восемь лет это дурацкое постановление та же партия и отменит.

А еще через два года в Российской Федерации отменили и саму партию.

Анна Ахматова была и осталась великим русским поэтом.

Елена ЗАМУРА

Фуэнте Овехуна, или Кто убил командора?

Это сейчас можно найти в интернете любую информацию о любом литературном произведении. В наше время в университетской библиотеке был только один учебник по истории зарубежной литературы Средних веков, Возрождения и XVII века, да и тот в читальном зале. Большинство произведений, которые мы изучали, издавались в пятидесятые-шестидесятые годы, и это были редкие книги. Впрочем, мало кто горел желанием знакомиться с архаичными текстами. В жизни не видела человека, который прочитал бы «Гаргантюа и Пантагрюэль» полностью...

Существовал только один способ сдать экзамен по иностранной литературе: конспектировать лекции. О чем нас сразу же и предупредила наша преподавательница Ольга Игоревна Кирошко.

Делать это не всем хотелось. И вот наступил день сдачи экзамена по зарубежке. Улучив момент, когда Ольга Игоревна Кирошко отвернулась, Витя Семенюк прошептал мне: «У меня «Фуэнте Овехуна», что говорить?»

В пьесе испанского драматурга Лопе де Вега крестьяне деревни Фуэнте Овехуна, что переводится на русский язык как «Овечий источник», сообща убивают землевладельца, а на следствии на вопрос «Кто убил командора?» все как один говорят: «Фуэнте Овехуна!» То есть вся община... Я успеваю сказать: «Деревня Фуэнте Овехуна убила помещика, который издевался над крестьянами».

Слово «деревня» Семенюк не расслышал и отвечать пошел со своей концепцией, которая казалась ему очень достоверной и симпатичной. Витька с ходу атаковал Кирошко, сообщив, что народный герой Фуэнте Овехуна убил помещика, который эксплуатировал крестьян.

Ольга Игоревна загадочно улыбнулась.

Ободренный Семенюк пошел дальше. Он рассказал, что Фуэнте Овехуна был мужественным и смелым человеком, с детства познавшим всю тяжесть труда на земле.

Ольга Игоревна внимательно посмотрела на него и неопределенно кивнула.

И тут Семенюка понесло. Он дал развернутую характеристику морального аспекта феодальной эксплуатации крестьян и рассказал о революционных убеждениях славного народного защитника Фуэнте Овехуна.

Ольга Игоревна смотрела на него, как смотрит усталый театральный режиссер на комика, который в десятый раз репетирует уже не смешную сцену. Ее лицо было непро-

нищаемым. Было ясно, что она и не такое слышала. Зато я просто умирала от смеха.

Опустим завесу жалости над этой сценой.

Виктор Семенюк много лет работал пресс-секретарем на Молдавской ГРЭС. Думаю, он так и не узнал, кто убил командора.

Сергей ТКАЧ Пить или не пить?

Если и был предмет помимо истории КПСС, который вселял ужас в студентов-журналистов нашего курса, то это была «Экономическая деятельность предприятий». Кажется, так он назывался. На лекции по оной сон одолевал уже на пятой минуте. Но даже когда прикладывались большие усилия для того, чтобы понять, о чем идет речь и запомнить материал, получалось как-то не очень. В одно ухо знания входили, а в другое выходили. И ужас рос по мере приближения дня сдачи зачета по этому предмету.

Накануне зачета все записи, которые были сделаны на лекциях, тщательно изучались в нашей комнате в общежитии. Но эффект был нулевым. Трудно было вспомнить предмет, который давался так тяжело. Вечером наши конспекты были отброшены от полного отчаяния что-то понять, и мы улеглись спать. За исключением Дмитрия Бурименчикова, который продолжал упорно вчитываться в свои записи. Рано утром мы так и застали его по-прежнему изучающим конспект. Предэкзаменационное настроение портило известие, что накануне параллельная молдавская группа фактически провалила зачет. Всего несколько человек получили заветную запись в синих зачетных книжках.

Уже в восемь утра мы – я, Георгий Барбаров, Федор Маринов и Дмитрий Бурименчиков – были у главного университетского корпуса. Времени до начала оказалось предостаточно, и мы пошли посидеть на скамейке у входа в ЦПКиО.

В том месте, где сейчас выросло огромное здание, тогда стояли несколько частных домов – там-то мы и расположились. Мы начали обсуждать новость о неудаче коллег из молдавской группы, в душе чувствуя, что шансы получить с первого раза зачет у нас нулевые. Минут через пять к нам подошёл мужчина и попросил помочь поставить машину на бок, чтобы он мог покрасить днище и нанести на него антикоррозийное покрытие. Мы подставили плечо и быстро установили машину на бок. Он поблагодарил и предложил зайти в дом. Мы стали отнекиваться, но владелец машины был очень настойчив, и мы зашли. На столе быстро оказалась трехлитровая банка с вином и бутерброды. Мы объяснили, что у нас зачет, но

мужчина не слушал и разлил вино по стаканам. Я, Георгий и Федор пригубили вино, а Дмитрий наотрез отказался. Потом хозяин налил еще по стакану. Мы переглянулись и выпили залпом.

После акта благодарности автомобилиста мы все-таки пошли на зачет. Что мы, в сущности, теряли, если все было предрешено?

Из группы никто не хотел быть в первой пятерке. Георгий, как староста, убедил быть первыми нас.

Мы вошли, получили вопросы и сели готовиться. Преподавательница – доктор наук и жена известного писателя и редактора литературного журнала «Кодру», потребовала, чтобы кто-нибудь пошел отвечать. И вдруг Федя Маринов проявил инициативу. Когда он заговорил, мы увидели, как всегда пахнущая дорогими духами женщина изменилась в лице и, помахивая рукой, начала отгонять алкогольный дух, идущий от Федора. Она не ожидала такой наглости от студента – прийти на зачет выпившим... Недослушав его речь до конца, преподавательница потребовала зачетку. Распсалась и отпустила его с богом. Мы с Георгием переглянулись. Что говорил Федор, когда отвечал, понять было трудно, он говорил тихо. Следующим пошел староста. И опять та же история: напряженное и растерянное лицо нашей докторши наук и несвязная болтовня студента. В итоге – зачет. Третьим был я. Она смотрела в мои глаза и ничего не понимала: это что, сговор? Лучшие студенты группы и староста пришли на зачет пьяными... Мне, как первым двум, тоже повезло! Заветная запись была получена. Вдохновленный таким ходом событий Бурименчиков пошел сдавать, а мы ожидали его за дверью. Дмитрий вышел с почерневшим лицом – видно было, что все эмоции преподавательницы вылились на него.

Группа сдавала тяжело, и зачет получили немногие. Но вот самое интересное было впереди – Бурименчиков еще много раз приходил на зачет в попытках получить заветную отметку в зачетке. Он прочитал все книги, которые нашел по предмету, кажется, знал его уже лучше самой преподавательницы, но зачет ему никак не ставили. И этот триллер продолжался несколько месяцев. Она его измучила вконец, и наш Дмитрий не раз потом сокрушался, что не выпил тогда перед зачетом вместе с нами. Мы были уверены, что наш успех был связан именно с тем, что мы осушили «по стакану для храбрости». Так, опытным путем мы получили однозначный ответ на sacramентальный вопрос: «Пить или не пить?»

□